

ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В УКРАИНЕ (1954 – 1987)

Источник: <https://museum.khpg.org/ru/1628664422>

Сохранено в архиве decolonial.ist: 29.08.2026 · файлов в оригинале: 1

Евгений Захаров, Харьковская правозащитная группа

ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В УКРАИНЕ[1]

(1954 – 1987)

История Украины XX века вполне может рассматриваться как история движения за национальное освобождение. Каждый раз, когда казалось, что оно беспощадно уничтожено, оно, как Феникс, восставало из пепла и набиралось новой силы.

Украинское крестьянство упорно сопротивлялось коллективизации, следствием которой было массовое выселение украинцев в восточные области СССР в 1931 году и искусственный голод 1932–1933, унесший несколько миллионов жизней. Формально развивая украинскую государственность в форме союзной республики и национальную культуру, коммунистический режим беспощадно уничтожал национальную интеллигенцию, искоренял национальное самосознание украинцев[2].

Присоединение к Украинской ССР в 1939 году западноукраинских земель, которые до Первой мировой войны были в составе Российской и Австро-Венгерской империй, а между войнами включены в территорию Польши, Чехословакии и Румынии, дало новый толчок украинскому освободительному движению. Украинское население этих территорий жило национальной идеей, и мечта о независимом украинском государстве не умирала на протяжении нескольких поколений. Вот почему на западных землях вооруженное сопротивление и коричневым, и красным оказалось таким продолжительным. Основной политической силой этого сопротивления была Организация Украинских националистов (ОУН). Созданная в конце 1920-х в той части Западной Украины, которая принадлежала Польше, эта организация боролась, в основном, с польским господством, применяя при этом и террористические методы. Советская администрация четко понимала, что украинские националисты отнюдь не склонны превращаться в послушное орудие в ее руках, да и вообще новая власть не намерена была терпеть существование на присоединенных территориях какой-либо организации, не являющейся марионеткой. В 1940–1941 годах большинство руководителей ОУН, находившихся на Западной Украине, были арестованы.

Аналогичный сюжет, но в ускоренном темпе, повторился летом 1941, когда Украина была оккупирована гитлеровской Германией. Правительство Третьего рейха отказалось признать провозглашенную во Львове независимость Украины и арестовало нескольких лидеров ОУН. С 1942 года большая часть ОУНовцев, возглавляемая С. Бандерой, стала на путь партизанской борьбы с немцами[3]. Созданная ими Украинская повстанческая армия (УПА) продолжила эту борьбу и после того, как Украина вернулась под контроль СССР. Партизанская война на Западной Украине продолжалась до начала 1950-х.

Советская историография выставляла бойцов УПА как бандитов, грабивших и убивавших женщин, стариков и детей, устраивавших еврейские и польские погромы. Очевидно, что это был, по меньшей мере, односторонний взгляд[4]. А вот террор против повстанцев был жестоким: сотни тысяч отправились в лагеря со стандартным 25-летним сроком. Целые села на Западной Украине были выселены “за помощь УПА”.

В начале 1950-х партизанская война в сельской местности почти сошла на нет, но подпольные организации в городах продолжали действовать. По данным КГБ, в течение 1954–1959 годов в Украине было ликвидировано 183 «националистических и антисоветских группировки», осуждено 1879 человек, из них 46 группировок (245 человек) в среде интеллигенции и молодежи[5]. Самые масштабные политические репрессии после смерти Сталина приходятся именно на эти годы.

В 1950–1960-е национальное движение было локализовано, как и прежде, на западе Украины. Большинство раскрытых в 1958–1969 годах подпольных организаций действовали здесь, в них превалировала национальная идея, и идеологически они примыкали к ОУН.

Однако, среди подпольных организаций появились и те, что отрицали вооруженную борьбу и предпочитали ненасильственные методы, например, Украинский рабоче-крестьянский союз (1961). Фактически, с появлением в 1950-е идеи ненасильственного сопротивления и зародился украинский диссент как совокупность национального (наиболее массового и заметного), религиозных и общественных движений[6]. Как и везде, диссидентская деятельность все меньше проявлялась в создании подпольных организаций и все больше – приобретала черты открытой общественной активности.

В течение 1960 – начала 1970-х в украинском диссенте превалировало национально-культурное общественное движение. В современной украинской литературе активистов этого движения часто называют шестидесятниками. При этом в данный термин вкладывается совершенно иной, существенно более узкий и определенный смысл, чем тот, который ассоциируется с понятием “шестидесятничество” применительно к советской культуре в целом в мировой культурологии и который был предметом оживленной общественной дискуссии в России. Украинское шестидесятничество – это движение творческой (в первую очередь, гуманитарной) интеллигенции, направленное, главным образом, на борьбу с русификацией и возрождение национальной культуры. Центром был Киев, хотя это движение распространялось на всю Украину. Шестидесятники не ставили вопрос об отделении Украины от СССР, они надеялись на либерализацию режима и на решение национальной проблемы в составе Союза[7]. Они вызывали сочувствие и у части украинской партийно-государственной номенклатуры, возможно, поэтому до 1965 года они не подвергались уголовным преследованиям, а многие из них делали успешную карьеру. Движение шестидесятников не было монолитным. В нем можно найти истоки всех направлений политической мысли современной Украины. Шестидесятников можно разделить на “культурников” – тех, кто пришел в движение через литературу и искусство и не мог смириться с режимом, морально сопротивляясь ему, и “политиков” – тех, кто с самого начала ставил перед собой политические цели и задачи.

После “оттепели” часть шестидесятников вошла в открытую конфронтацию с властью. Когда в 1963–1965 годах запретили публиковать шестидесятников в журналах и газетах, прекратили издание их книг, их произведения печатались в украиноязычных изданиях Польши (газета

«Наше слово», «Украинский календарь»), Чехословакии (журналы «Дукля», «Дружно вперед» и «Народный календарь»), на Западе (издательство «Сучасність»), начали распространяться в самиздате. Был он сначала чисто литературным, преимущественно поэтическим, однако в 1963–1965 годах украинский самиздат стремительно политизировался. Появилась политическая публицистика. Сначала это были анонимные или псевдоанонимные статьи; со второй половины 1960-х начинают преобладать открытые выступления, статьи и письма протеста по поводу репрессий. Самиздат фактически стал инфраструктурой движения шестидесятников, средством консолидации неконформистской интеллигенции.

Украинский самиздат сосредоточен, главным образом, на национальной проблеме (в этом смысле он значительно уже, чем российский), которая анализируется в политическом, историческом и культурном аспектах. По этой причине большая часть украинского самиздата осталась достоянием только украиноязычного читателя. В украинском самиздате иногда встречалась социально-экономическая публицистика и философские труды. Однако именно книги и статьи Ивана Дзюбы, Евгения Сверстюка, Ивана Свитлычного, Леонида Плюща, Валентина Мороза, Вячеслава Черновола, распространявшиеся в самиздате, принадлежат к лучшим образцам украинской публицистики.

Один из самых популярных текстов самиздата середины 1960-х – памфлет «По поводу процесса над Погружалским», написанный Евгением Сверстюком и Иваном Свитлычным (распространялся анонимно). Он посвящен страшному событию: пожару в Киевской центральной научной библиотеке 24.05.1964, уничтожившему огромное количество драгоценных книг[8]. В статье подвергалась сомнению официальная версия возникновения пожара (поджог, совершенный психически неуравновешенным сотрудником библиотеки) и утверждалось, что это – очередная акция унижения украинского народа. «Изморив голодом миллионы украинцев в 1933 г., – писали авторы, – замучив лучших представителей нашей интеллигенции, душа малейшую попытку мыслить, из нас сделали покорных рабов... Не будем утешать себя вечной истиной о бессмертии народа – его жизнь зависит от нашей готовности постоять за себя».

Самой известной работой самиздата второй половины 1960-х была книга Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация?», ставшая манифестом шестидесятников и получившая широкую известность, разошлась по Украине тысячами копий, была переведена на несколько европейских языков и высоко оценена различными политическими силами вне СССР. Пользуясь официальным идеологическим инструментарием марксизма-ленинизма, Дзюба подверг убедительной критике официальные концепции по национальному вопросу, в частности, тезисы о неизменности политики партии в национальном вопросе и о равном положении украинцев и русских в Украине, а также идею будущего слияния наций при коммунизме. Наиболее впечатляющие места книги посвящены русификации и ее деструктивным социально-психологическим последствиям для украинского народа. Распространено мнение, что книга была популярна и среди национально ориентированной части партийной номенклатуры; первый секретарь ЦК КПУ Петр Шелест лично прочитал рукопись Дзюбы и приказал ознакомить с ней высших партийных чиновников[9].

На территории Украины распространялся и российский самиздат. Это, а также знакомство российского читателя с лучшими произведениями украинского самиздата, – большая заслуга Леонида Плюща. Он размножал в Киеве привезенные им из Москвы рукописи и одновременно организовал перевод на русский язык украинского самиздата для передачи в

Москву и за границу. Именно благодаря ему за пределами Украины стали известны книга Дзюбы, «Горе от ума» Вячеслава Черновола и другие.

Географически национальное движение было распространено по всей Украине (например, в 1972 году на Западе и Востоке Украины было арестовано примерно одинаковое количество людей), но на Западной Украине и в Киеве оно было гораздо многочисленнее. Можно утверждать, что на Западной Украине диссидентское движение преимущественно принимало форму национально-освободительного, а на Восточной Украине национальное и религиозное движения соединялись с правозащитным.

Правозащитная активность, которая не ставила главной национальной проблему, была более заметна в крупных городах востока и юга Украины – Харькове, Черновцах, Луганске, Запорожье, Донецке. Она очень схожа с аналогичной активностью в России; возможно, даже, ее следует рассматривать как часть общесоветского правозащитного движения. В то же время во второй половине 1970-х начала проявляться тенденция смыкания правозащитников с национальным движением на его платформе. Особенно это проявлялось в лагерях.

Между украинскими шестидесятниками-“культурниками” и российскими правозащитниками много общего. И то, и другое движения были интеллигентскими и очень близкими по духу, социальному составу участников, аргументации требований и средствам самовыражения. Связи между будущими активистами этих движений установились еще до того, как сформировались сами движения. Знакомство продолжалось в мордовских политических лагерях, где сидели вместе украинцы, арестованные в 1965, Синявский и Даниэль, позже Гинзбург и Галансков. «Путь из Украины в Мордовию лежит через Москву. Родственники арестованных, ездившие их навестить, и освободившиеся из лагеря, обязательно попадали в Москву. Они останавливались у родственников и друзей московских политзэков» (Людмила Алексеева), передавали через них информацию в «Хронику текущих событий» и за границу. Украинцы-шестидесятники включились в кампанию вокруг московского «процесса четырех» (1968). В первой советской правозащитной ассоциации – Инициативной группе по защите прав человека в СССР (ИГ) – двое членов были жителями Украины (Генрих Алтунян и Леонид Плющ)[10]. В Одессе в конце 1960-х – начале 1970-х функционировала одна из крупнейших в СССР библиотек самиздата, ее организаторы Вячеслав Игрунов и Глеб Павловский сыграли заметную роль в российском диссенте. Украинские политзаключенные были участниками интернациональных акций лагерного сопротивления, отмечали голодовками и забастовками общие для советских политзаключенных памятные дни – 10 декабря (День прав человека), 5 сентября (День красного террора), 30 октября (День политзаключенного).

Что касается религиозных движений, то особенностью Украины было наличие двух массовых непризнанных государством конфессий: Украинской греко-католической Церкви – преимущественно на Западе республики, и Украинской автокефальной православной Церкви (УАПЦ) – на Востоке. Верующие и особенно священнослужители, принадлежавшие к этим конфессиям, жестоко преследовались. Греко-католическая церковь, официально запрещенная в 1946 году, существовала на принципах катакомбной церкви, пользуясь массовой поддержкой значительной части населения Западной Украины, прежде всего сельского. Преследования верующих других конфессий были такими же, как в других регионах СССР.

Идеологическое и административное давление на радикальную часть шестидесятников не давало результата, и власти перешли к репрессиям. Первая волна арестов прошла в августе-

сентябре 1965 года. Было арестовано 25 человек[11], в той или иной степени причастных к движению, из них 7 киевлян. Центральным сюжетом, объединявшим большинство возбужденных уголовных дел, стал памфлет «По поводу процесса над Погружалымским», хранение и распространение которого инкриминировалось почти всем арестованным. Был арестован также один из авторов памфлета, критик Иван Свитлычный (через 8 месяцев его пришлось освободить „за недостаточностью улик”[12]).

Существует мнение, что репрессии против «шестидесятников» проводились по приказу из Москвы[13]. Ряд признаков указывает на то, что украинское руководство, вплоть до конца 1960-х, выполняло подобные приказы без особого усердия. В частности, власти терпели возложение цветов к памятникам Шевченко, ставшие традиционными. Эти встречи, проходившие 22 мая в разных городах Украины, стали ежегодными манифестациями национального диссидентства. В Киеве в этот день обычно собиралось несколько сотен человек, пели песни, читали стихи. Власти ограничивались административными мерами и угрозами активным участникам. В 1967 году они попытались было сорвать встречу, но наткнулись на упорное противостояние собравшихся и отступили. Для сравнения, аналогичные собрания в память евреев, расстрелянных нацистами в Бабьем Яру в 1941 году (в этих собраниях также принимали участие многие известные «шестидесятники», в частности, Иван Дзюба) вызвали гораздо более резкую реакцию киевских партийных властей.

После первой волны арестов и вплоть до конца 1971 года прямым репрессиям подвергались только отдельные «шестидесятники», чья деятельность имела международный резонанс (Вячеслав Черновол – его книга «Горе от ума» о репрессиях 1965 года была опубликована на Западе), и те, кто радикально выступал против советского режима (члены Украинского национального фронта и других подпольных националистических организаций, чуть позже – Валентин Мороз). Заметим, что эта относительная мягкость тогдашних мер по отношению к национальному движению не распространялась на участников правозащитного движения общедемократического направления. Так, например, в 1969 году были арестованы и осуждены четверо харьковчан за то, что они поддержали письмо в ООН Инициативной группы по защите прав человека в СССР , хотя из Москвы пришла рекомендация воздержаться от арестов[14].

На рубеже 1960–1970-х движение шестидесятников стало принимать организационные формы. В январе 1970 года в самиздате появилось первое украинское периодическое издание – анонимный информационный бюллетень «Украинский вестник» (УВ). Прообразом «Украинского вестника» была «Хроника текущих событий» . Кроме упорядоченной и систематизированной информации о движениях, репрессиях и положении политзаключенных (судя по разделу «Хроника», бюллетень имел корреспондентов более чем в десяти областных центрах Украины), УВ содержал в себе произведения, распространявшиеся в самиздате – исследования по истории, данные о геноциде украинцев, литературоведческие работы, стихи, прозу[15].

В условиях общего ужесточения режима, которое произошло после оккупации Чехословакии, выход УВ не мог не повлечь за собой новую волну арестов. Она совпала с общим наступлением на самиздат, начавшимся в конце 1971 года[16] – в первой половине 1972 года (в Москве началось масштабное следствие по делу Якира и Красина, результатом которого стало временное прекращение выпуска «Хроники текущих событий»). В Украине вторая волна арестов сопровождалась массовыми обысками и увольнениями с работы. В январе 1972 года в

Киеве, Львове и других городах Украины арестовали около 20 наиболее заметных фигур украинского диссента (аресты продолжались в течение года, было арестовано 100 человек, осуждено 89)[17]. Внесудебным преследованиям подверглись сотни людей. Чистка коснулась не только научных и культурных учреждений, но и сельской интеллигенции, партийных и советских работников[18]. Огромные масштабы приобрела тайная и явная слежка, перехват писем, прослушивание телефонных разговоров. Одновременно началась новая волна русификации.

В дальнейшем Украина превратилась в полигон для испытания КГБ новых методов борьбы с диссидентами. Здесь были совершены странные убийства, которые до сих пор остаются загадкой (Алла Горская – впрочем, это убийство произошло еще в 1970, Владимир Ивасюк, Николай Зварыч), впервые были подброшены наркотики при обысках. Здесь была начата фабрикация уголовных дел против диссидентов – за изнасилование, за хулиганство, за сопротивление властям, за хранение наркотиков и т.д. Именно в Украине репрессии были особенно жестокими. Ей принадлежит печальная пальма первенства во многом. Первый длительный лагерный срок женщине (Нине Строкато́й), первое применение ст. 62 УК УССР к женщине пенсионного возраста – 75-летней Оксане Мешко, первое осуждение женщины за то, что она добивалась освобождения мужа-политзека (Раиса Руденко)[19]. Распространенным явлением стали повторные аресты бывших политзаключенных, отбывших свой срок за ту или иную незначительную, по “московским” меркам, общественную активность – например, за рукопись лагерных воспоминаний (Даниил Шумук, Юрий Шухевич).

Однако, несмотря на репрессии, оппозиционное национальное движение продолжалось. Новым его этапом стало создание в конце 1976 года Украинской Хельсинкской группы (УХГ).

УХГ была основана по инициативе члена Московской Хельсинкской группы, украинца по национальности Петра Григоренко. Из всех Хельсинкских групп членство в УХГ в наибольшей степени коррелировало с арестами. По подсчетам Василия Овсиенко, из 41 члена УХГ 39 отбыли в тюрьмах, лагерях, ссылках и психбольницах в общей сложности 550 лет, четверо – Алекса Тихий, Юрий Литвин, Валерий Марченко и Василь Стус – погибли в неволе, Михаил Мельник покончил с собой накануне ареста. Более того, многие члены УХГ конституировались в этом качестве именно в период пребывания в лагере или в ссылке по тому или иному политическому обвинению.

Хельсинкский этап диссидентства в Украине означал принятие национальным движением правозащитных методов и форм. Идея прав человека оказалась близкой украинской неконформистской интеллигенции: для “культурников” она была органичной, “политики” использовали язык и форму правозащитной идеологии, понятные Западу, чтобы привлечь большее внимание и сочувствие к украинским национальным проблемам. УХГ основное внимание сосредоточила на фиксации нарушений национальных прав. В отличие от других хельсинкских групп она почти не откликалась на религиозные преследования, на движение за социально-экономические права. И программный документ УХГ, и подавляющее большинство других ее 30 документов посвящены различным аспектам национальной проблемы. Тем не менее, группа выступила в защиту евангельских христиан-баптистов, а также поддерживала отдельные документы и обращения МХГ.

В начале 80-х деятельность УХГ была полностью парализована: почти все ее члены были лишены свободы.

В первой половине 1980-х открытые проявления украинского диссента были подавлены, и он за редким исключением существовал преимущественно в форме подпольных организаций (как и в 1950-е). Увеличилось количество анонимных антисоветских листовок. Усилились психиатрические репрессии.

Следует отметить, что если на свободе диссидентское движение после «генерального погрома» 1972 года было малозаметным, то в лагерях украинские политзаключенные проявляли большую активность, становясь центральными фигурами лагерного сопротивления во всех его формах (голодовки, забастовки, заявления об отказе от советского гражданства и т.п.). В. Черновол (вместе с Эдуардом Кузнецовым) стал инициатором движения за Статус политзаключенного и организовывал коллективные акции политзаключенных с требованиями признания за ними этого статуса. Постоянными стали совместные и индивидуальные петиции. Велись хроники лагерного сопротивления. Созданные в неволе документы тайком вывозились из лагерей родственниками осужденных и распространялись в самиздате.

«После 1972 г. создалось парадоксальное положение, когда украинский самиздат пополняли в основном не те, кто находился на свободе, а политзаключенные» (Людмила Алексеева). Эти протесты, попадавшие на Запад, приобретали широкую огласку, вызывали международные кампании солидарности. Одним из самых мощных средств борьбы были голодовки, которые часто становились коллективными. В частности, с 1974 года украинцы-политзаключенные и их товарищи по лагерям отмечали голодовкой годовщину начала массовых арестов в Украине в 1972 году – 12 января.

Деятельность украинских диссидентов-политзаключенных опиралась на традиции, заложенные украинскими землячествами еще в послевоенных сталинских лагерях. «Именно они выдержали основную тяжесть борьбы с произволом сталинско-бериевского периода и теперь являются образцом, который вдохновляет и объединяет тех, кто не захотел отречься от своих убеждений людей чести и долга... Они, старики – 25-летники, – В. Подгородецкий, В. Пирус, С. Мамчур (покойный), П. Строцень, В. Солодкий, А. Киселик – подают притягательный пример новоприбывшим» (из документа МХГ №87 «О положении осужденных в лагерях СССР», раздел написан Валерием Марченко).

В 1987–1988 годах украинские диссиденты, вернувшиеся из лагерей и ссылки, активно занялись политической деятельностью. Практически во всех политических партиях национально-демократического толка и национальных партий радикального направления бывшие диссиденты задавали тон, были лидерами этих партий.

В эти годы начался новый, пост-диссидентский этап национально-освободительного движения. Он характеризовался участием значительно более широких слоев населения, открытостью политического противостояния и закончился в 1991 году созданием независимого украинского государства.

[1] Вступительная статья к украинскому разделу Международного биографического словаря диссидентов Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР. Полужирным шрифтом выделены названия других статей этого раздела и других разделов Словаря.

[2] «Украинизация» 1920-х, хотя она и проводилась в жестких рамках коммунистической идеологии, стимулировала в определенной степени подъем национальной культуры, в первую

очередь – литературы и гуманитарных знаний. Этот процесс был резко оборван в первой половине 1930-х: в политической сфере – чистка внутри КП(б)У, в ходе которой были разгромлены «национал-уклонисты»; в сфере культуры – «делом СБУ» (Союз освобождения Украины) и массовыми репрессиями, которые последовали за ним. «Культурное возрождение» 1960-х в значительной степени подпитывалось воспоминанием об этом подъеме.

[3] Вторая часть, во главе с А. Мельником, сотрудничала с нацистами.

[4] Во всяком случае, в ходе массового пересмотра прокуратурой Украины в 1990-е уголовных дел бывших бойцов УПА обвинения в массовом терроре против мирного населения были, в большинстве, сняты. Нужно также иметь в виду, что иногда слухи о «зверствах бандеровцев» создавались искусственно: сегодня документально доказаны факты убийств мирных жителей сотрудниками НКВД, переодетыми в бойцов УПА.

[5] Русначенко А. Національно-визвольний рух в Україні. – К.: Видавництво ім. О.Теліги, 1998. – С.325, 326

[6] За рамками очерка остается ряд партикулярных национальных и религиозных движений, развивавшихся на территории всего СССР и охвативших Украину:

- движение крымских татар, главной целью которого было возвращение народа в Крым (ему посвящен самостоятельный раздел этого Словаря);

- еврейское эмиграционное движение, значительная часть участников которого проживала на Украине;

- преследуемые религиозные конфессии (Евангельские христиане-баптисты, Свидетели Иеговы, Христиане веры евангельской (пятидесятники) и др.)

[7] В современной украинской историографии нет единого мнения на этот счет. Так, А. Русначенко, полемизируя с Г. Касьяновым, подтверждает, что существовали по крайней мере три направления среди украинского шестидесятничества. По его мнению, одни – действительно верили в возможность торжества истинно ленинских идей, другие писали эзоповым языком, чтобы не выступать прямо против режима, и только третья, очень небольшая группа с самого начала рассматривала культурную деятельность как тактический метод политической борьбы для достижения независимости Украины. (Русначенко А., цит. соч. – С.157)

[8] Билокин С. Пожары Киевской публичной библиотеки АН УССР в 1964 и 1968 гг. // Памятники Украины. – 1998.- № 3. – С. 145–148.

[9] Касьянов Г. Несогласные: украинская интеллигенция в движении сопротивления 1960–1980-х годов. – К.: Лыбидь, 1995. – С. 96.

[10] Среди поддержавших первое письмо ИГ, были восемь харьковчан и львовянин В. Черновол, некоторые из них поддерживали и другие письма ИГ.

[11] Проведено 19 процессов (Русначенко А., цит. соч. – С. 165)

[12] По мнению автора, обаяние и масштаб личности Свитлычного были настолько велики, а протесты по поводу его ареста так многочисленны, что тогда власти не решились устроить над ним суд.

[13] Этой точки зрения придерживается, например, А. Русначенко, хотя в записке Шелеста в ЦК КПСС с информацией о проведенных арестах «ряда ярких буржуазных националистов, а также некоторых молодых людей, ставших на путь враждебной деятельности», приведенной им в приложении, прямых указаний на спущенный из Москвы приказ – нет (Русначенко А., цит. соч – С. 164, 474-476).

[14] Таков вывод одного из четырех осужденных, Генриха Алтуняна после того, как он познакомился с документами, связанными с данным делом.

[15] Интересно, что Иван Свитлычный и некоторые другие шестидесятники протестовали против выпуска периодического издания, справедливо полагая, что это ускорит репрессии.

[16] 15.12.1971 председатель КГБ Ю. Андропов докладывал в ЦК КПСС, что «националистические элементы» на Украине (И. Свитлычный, В. Черновол, Н. Строката, И. Дзюба, Е. Сверстюк, З. Франко и др.) начали издание УВ, «чтобы показать, что на Украине действует подполье», председатель КГБ подчеркнул их «тесный контакт с т. н. „демократами“ ... в Москве» А. Сахаровым и П. Якиром. (Архив НИПЦ «Мемориал», ф. 172).

[17] Русначенко А., цит. соч – С. 190, 192.

[18] Бытовало мнение, что одной из причин смещения П. Е. Шелеста с должности в 1972 году оказалось недостаточное рвение, проявленное им в борьбе с «буржуазным национализмом».

[19] Разумеется, все высказанные утверждения об украинском «приоритете» относятся лишь к кругу сравнительно известных диссидентов; среди жертв политических репрессий, не обладавших «общественным именем», соответствующие прецеденты встречались регулярно и не обязательно в Украине.